

Начало

В ЗНАМЕНИТОМ романе Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» есть эпизод о злключениях Швейка в поезде. Швейк, решив проверить действие аварийного тормоза, остановил поезд, за что и был высажен на станции Табор. Разобравшись в происшествии, начальник станции оштрафовал Швейка на двадцать крон, после чего тот отправился догонять свой поезд «навстречу новым приключениям будейовицкого анабазиса». Между тем все, кто присутствовал при разговоре Швейка с начальником станции, долго не расходились, обмениваясь впечатлениями от недавнего происшествия. Кто-то рассказывал, что поймали шпиона, фотографировавшего вокзал. Какая-то дама утверждала, что не было никакого шпиона, зато некий драгун зарубил офицера возле дамской уборной за то, что офицер ломился в уборную к возлюбленной драгуна, явившейся на вокзал, дабы проводить на фронт своего милого.

Возникновение этих фантастических версий Гашек связывает с нервозностью военного времени, для ко-

того характерно обостренное восприятие действительности, недоверчивость и поиск самых невероятных объяснений для событий самых обыкновенных. Добавим, что нервность эта присуща не только военному времени, но и любой переходной эпохе, когда людьми владеют страх, растерянность и разочарование. Именно в такие периоды истории рождаются новые мифы, на осмысление и преодоление которых уходят впоследствии долгие годы. Нечто похожее произошло и в России в конце XX века, когда большая страна ослабла и распалась на полтора десятков государств. На этих величавых обломках и появилась новая мифология, определившая во многом течение дальнейшей жизни 1/6 части суши и оказавшая влияние на мировоззрение нескольких поколений. Из закрытого социалистического общества миллионы людей шагнули в открытое капиталистическое. Но отсутствие иммунитета и вообще слабое представление о новой жизни превратило акклиматизацию в тяжелейшее испытание.

Перестройка и последовавшие за ней 90-е годы, которые сегодня кто-то вспоминает с ужасом, а кто-то с нежной грустью, нанесли народам бывшего СССР тяжелейшую травму. Травма возникает в периоды, когда происходит ломка упорядоченного мира, ломка стереотипов общественного сознания, когда человеку отказывают в доступе к жизненным благам, когда оскорбляют память и смеются над верой. Такая травма может буквально разрушить общество, обесценив ценное и возведя в ранг нормы недопустимое прежде. Травму может вызвать революция или государственный переворот; иностранная оккупация или принудительная мигра-

ция; экономический кризис или экономическая реформа; громкий правительственный скандал или убийство руководства страны; проигранная война или ревизия героических традиций. Польский социолог П. Штомпка пишет о разновидностях травмы, выделяя травму демографическую или биологическую, структурную и культурную. Культурную травму П. Штомпка считает самой опасной и самой труднопреодолимой. Эта травма способна сохраняться в коллективной памяти на протяжении поколений, проявляясь время от времени. Именно с ней связана внутригрупповая ненависть и конфликтность. Эта травма не имеет отношения к индивидуальным нарушениям психики, она переживается всем обществом и вызвана разрушительными событиями, ломкой ценностных и семантических систем.

Обедневшее вдруг и обманутое население постсоветского пространства лишилось как социальных благ, так и всяческих прав. Появились в огромном количестве бездомные и наркоманы, бандиты выделились в отдельную прослойку. И все это на фоне издевательств и жестокости нуворишей, оскорбления достоинства, разрушения идеалов и глумления над историей. Миллионам людей вдруг заявили, что они — жалкие «совки», быдло, ни на что не годные лентяи и бездари, не создавшие за всю свою историю ничего путного, грязные, вонючие пьяницы. Ломка всегда грозит раздвоением или какой-то коллективной шизофренией, когда, по слову американского социолога Р. Мертона, «отвержению некогда усвоенных институциональных норм будет сопутствовать скрытое сохранение их эмоциональных составляющих». А с этой раздвоенностью связано

постоянное напряжение, сохранение озлобленности и агрессивности. В мире все взаимосвязано: экономика, нравы, культура. И не просто связано: бытие, как известно, определяет сознание. Сознание человека разных цивилизаций и разных эпох прочно спаяно с его историческим бытием.

Нужно учесть и особенность информационной политики советского времени, когда о происшествиях говорилось настолько лаконично, что поневоле советские граждане пытались найти объяснения происходящему. Вспомним хотя бы гибель Ю.А. Гагарина, или пожар в гостинице «Россия», или столкновение в Цемесской бухте. Что? Как? Почему? События освещались настолько скупой, что удовлетворить естественное любопытство не удавалось. Поневоле приходилось додумывать и предлагать собственные версии происходящего. Сегодня мы видим другую крайность: любое происшествие смакуется и обсуждается в мельчайших деталях, что порождает как пресыщенное равнодушие, так и разного рода нездоровый интерес. Тут и задумаешься, что же лучше: ограждать коллективную психику от информации, вызывающей стресс, или пустить все на самотек, предоставив граждан самим себе. Притом что, как выяснилось, даже засилье информации не защищает от порождения самых разнообразных слухов, перерастающих в мифы и объединяющих вокруг себя людей на манер секты.

Начиная с середины 80-х всю страну захлестнули разного рода разоблачения, на основе которых рождались новые мифы — по преимуществу отрицающего толка и объясняющие любой сложности явления

при помощи одной-единственной нехитрой схемы: тоталитарный советский строй уничтожал народы и калечил судьбы. Да, сегодня доподлинно известно, что разоблачения тех лет появлялись не просто так, а с целью внушить народам СССР и соцлагеря простую, но важную мысль: «так жить нельзя», и потому «Карфаген должен быть разрушен». Но тогда растерянные, потрясенные люди воспринимали все за чистую монету. И постепенно утвердилась новая мифология, повествующая о миллионах расстрелянных ни в чем не повинных граждан, о сожженных на кострах и скормленных диким зверям заключенных ГУЛАГа, о памятниках Иуде, ритуальных убийствах и дьявольском присутствии в государственной символике СССР, о кровожадности и маниакальности советских лидеров, о вездесущем и всемогущем, как бог Шива, Комитете государственной безопасности; о загубленных биографиях и несостоявшихся карьерах, о нераскрытых талантах и затоптанных чувствах; о запуганности, забитости и раболепии советских людей. Характерно, что разветвленная, опутавшая чуть ли не полмира сеть секретных тюрем ЦРУ, где в XXI в. применяются пытки и прочие приемы подавления личности, не пугают обывателя так же, как пенитенциарная система внутри одной страны, совокупность исправительно-трудовых заведений, существующих в том или ином виде в любом государстве. Просто на СЕТЮР¹ ЦРУ не нашелся пока свой А.И. Солженицын, да и некому было бы тиражировать его сочинения на всю планету.

¹ Сеть тюрем.

Но постепенно, по прошествии времени, появилась возможность знакомиться с историей Отечества не на страницах журнала «Огонек» и прочих аналогичных изданий. Некоторые из тогдашних сенсационных утверждений стали рассматриваться несколько иначе, а кое-кто из разоблачителей той поры оказался разоблачен уже в наши дни. И не все обвинения по адресу СССР воспринимаются ныне столь же доверчиво и безоговорочно. Эпоха после 1991 г. научила многих сомневаться, критически мыслить и внимательно относиться к любой информации. Созданные три десятилетия назад мифы подвергаются пересмотру.

Вот об одном из таких мифов, а также об одной замечательной судьбе мы и поговорим на этих страницах. Но сначала — быль.

21 июля 1937 г. в подмосковном городке Перово в семье Стрельцовых родился мальчик, получивший от родителей имя Эдуард. Это сегодня Перово — район Москвы. А с 1925 по 1960 г. бывшее село Перово числилось городом. Население этого небольшого городишки было занято на нескольких заводах, в большинстве обанкротившихся и расформированных к настоящему времени. На одном из таких предприятий, ныне канувшем в Лету заводе режущих инструментов «Фрезер», работали и Стрельцовы. Сначала отец и мать, а потом и подросший сын Эдуард. А вот счастья в семье не было. Богатырского сложения отец нрав имел спокойный, а руки — золотые. Так что даже вся мебель в доме была сделана этими руками. А вот матушка отличалась характером взбалмошным, и едва ли не первое, и уж

Всю жизнь ему
не хватало отца
и ужасно хотелось узнать:
любил ли отец футбол
и видел ли хоть раз игру
своего знаменитого сына.

точно единственное детское воспоминание Эдика об отце было связано с бурным выяснением отношений между родителями. Вспылив, Софья Фроловна Стрельцова схватила с плитки горячий кофейник и запустила в мужа. Но кофейник, налетев на выставленную ладонь отца семейства, отскочил, врезался в стену и рухнул со всем содержимым на пол.

— Успокоилась? — поинтересовался супруг, закурил и продолжать выяснение отношений отказался.

Впрочем, возможно, на характер Софьи Фроловны влияние оказывало ее отнюдь не богатырское здоровье: молодой еще женщиной она перенесла инфаркт, страдала астмой, так что к сорока годам имела инвалидность.

Когда началась война, отец ушел на фронт. Ушел рядовым, а пришел на побывку в 1943-м офицером разведки. Тут бы жить да радоваться, тем более в 1945 г. вернулся отец живым и здоровым. Да вот только вернулся он не в родное Перово, а в Киев, оставшись с другой женщиной после того, как Софья Фроловна, узнав от ординарца о внебрачной связи супруга на фронте, запретила тому возвращаться домой. Так и вырос Эдик без отца, на которого смотрел с восхищением, о котором помнил и больше всего на свете жалел, что не мог видеть его хотя бы время от времени. Всю жизнь ему не хватало отца и ужасно хотелось узнать: любил ли отец футбол и видел ли хоть раз игру своего знаменитого сына. И оставалась обида на мать, лишившую сына чего-то важного, а может быть, и самого главного в жизни.

Но это было потом. А пока шла война. Эдик рос и, как большинство советских детей, ходил в детский сад,

а потом — в школу. Воспитательница в саду вспоминала о нем впоследствии, что хоть озорным он и не был, но если попадался за шалость, то никогда не просил прощения. Вспоминая уже о взрослом Эдуарде Стрельцове, первая жена его Алла Деменко отмечала ту же черту, сохранившуюся с детства — просить прощения он не любил и как будто не умел. Эта черта любопытная и кое о чем говорящая, так что в свое время мы к ней еще вернемся.

Военное время было голодным, все время хотелось есть, так что порой, за неимением другой еды, приходилось грызть жмых. Надеть было нечего, и мать ругала за разбитые мячом ботинки, в которых Эдик ходил в детский сад — уже тогда он играл в футбол. Во дворе дома в Перове была площадка, засыпанная опилками, где местные мальчишки гоняли мяч.

Голодное, оборванное военное детство пролетело быстро. И вот уже, окончив семь классов, Эдик пошел работать на «Фрезер» слесарем-лекальщиком и почти сразу оказался в юношеской футбольной команде завода. Он был самым маленьким в команде, но за лето 1949-го вдруг вытянулся сразу на тринадцать сантиметров и благодаря взрослому телосложению и уже заметной манере игры оказался во взрослой команде.

Несколько лет он играл и за взрослых, и за юношей, пока в 1953 г. на стадион «Фрезер» в перовском районе Плющеве не приехала на товарищескую встречу юношеская сборная «Торпедо». Фрезерский тренер М.С. Левин дружил с торпедовским В.С. Проворновым и попросил его взглянуть на своих ребят — Эдика Стрельцова, Женю Гришкова и Леву Кондратьева.

Проворнов взглянул и всех троих пригласил в «Торпедо».

Надо сказать, что Стрельцов в то время уже мечтал о другой команде, напитываясь большим футболом на московских стадионах. Часами отстаивал он очереди за билетами на стадион «Динамо», чтобы увидеть игру прославленных мастеров. Трофимов, Бобров, Деметьев, Федотов... Из-за Федотова и Боброва он болел за армейцев, но командой мечты оставался «Спартак». И когда впоследствии его пригласили играть за любимую команду, он был склонен принять это приглашение и уйти из «Торпедо». Соблазн оказался очень велик, играть за «Спартак» представлялось ему огромной честью. Но в «Спартаке» надлежало занять место Н.П. Симоняна — игрока, которого Стрельцов бесконечно уважал, а потому не смог пойти на такой шаг, не хотел чувствовать себя человеком, который выжил товарища из команды. Он считал, что вполне может дождаться, когда Симонян закончит карьеру и уйдет из футбола. Вот тогда можно было бы перейти в любимый «Спартак». Однако этому не суждено было сбыться.

А пока в 1953 г. он с командой торпедовских мастеров попал на сборы в Сочи. Старший тренер «Торпедо» В.А. Маслов счел нужным провести совместную подготовку новичков с опытными игроками. Так стремительно началась футбольная карьера Эдуарда Стрельцова, почти сразу попавшего в основной состав мастеров. К слову, сам Стрельцов вспоминал потом, что о его приятеле Леве Кондратьеве кто-то из тренеров отзывался как о более интересном и перспективном игроке. Но ни Кондратьев, ни Гришков так и не стали серьез-

ными футболистами. Оба вскоре поступили учиться, и занятия в институте и техникуме не стали совмещать с футболом. И только Стрельцов оказался болен игрой, из той троицы он один мечтал посвятить себя мячу и полю.

В первых матчах за «Торпедо» он оставался в основном на скамейке запасных. На поле выпускали его ненадолго — минут на двадцать. Дебют состоялся 4 апреля 1954 г., когда «Торпедо» играло в Харькове с местным «Локомотивом». Стрельцова выпустили за двадцать минут до конца матча. Мяча он не забил, зато спустя много лет его первый выход на поле в составе «Торпедо» оказался в центре внимания любителей футбола. Дело в том, что арбитр из Риги Эдгар Клавс, ведший протокол того матча, утверждал, что четвертый гол — а «Торпедо» выиграло у харьковского «Локомотива» 4:1 — забил не кто иной, как Стрельцов. Правда, судя по всему, об этом Стрельцов и сам не знал, потому что в своей книге «Вижу поле» о той харьковской игре сообщает буквально несколькими словами. Но выяснилось, что газета Завода имени Сталина (так до 1956 г. назывался Завод имени Лихачева) «Сталинец» (впоследствии — «Московский автозаводец») откомандировала в Харьков и журналиста, и фотокамера. Так что в распоряжении редакции имелась не только заметка со стадиона, но и фотография того самого спорного гола. На фото было видно, как мяч летит в ворота от ноги Виталия Вацкевича. Стрельцов же вообще не попал в кадр, то есть рядом с забитым мячом его не было.

Следующий выход Стрельцова состоялся там же, в Харькове, 8 апреля на встрече с ленинградской ко-

мандой «Трудовые резервы». В книге «Вижу поле» Стрельцов пишет, что в той игре смог принести своей команде «некоторую пользу», утверждая, что атаковал ленинградского защитника, с перепугу ударившего в собственные ворота: «Когда меня выпустили, наши 0:2 проигрывали. Но не собирались сдаваться. И второй гол при моем непосредственном участии сквитали — я прямо на защитника шел, он от испуга ошибся и мимо своего вратаря пробил...» Правда, ни в «Советском спорте» от 10 апреля 1954 г., ни в «Социалистической Харьковщине» от 9 апреля 1954 г. о Стрельцове не говорится ни слова. Действительно, ленинградский защитник Александр Донцов за 6 минут до конца игры отправил мяч в свои ворота. Но не после атаки Стрельцова, а в ходе борьбы с Александром Гулевским. К тому же в своей книге Стрельцов называет «Трудовые резервы» ленинградским «Динамо». Но будем считать, что название команды подзабылось, а вот ощущения от игры, чувство своей причастности к забитому мячу сохранились на всю жизнь.

Зато гол юного форварда из «Торпедо» в ворота тбилисского «Динамо» ни у кого не вызывает сомнений. В Тбилиси почему-то сразу же полюбили Стрельцова. Более того, именно в грузинской столице, по воспоминаниям самого Эдуарда Анатольевича, начали складываться его отношения с футбольной публикой. А тбилисские болельщики всегда тепло принимали Стрельцова. Уроженец Тбилиси, спортивный журналист и азартный болельщик А.Т. Вартанян вспоминал, как еще накануне приезда в Грузию автозаводской команды любители футбола, собиравшиеся ежедневно возле тур-

нирной таблицы тбилисского стадиона «Динамо», дабы обсудить последние новости игры с мячом, заговорили о появившемся в «Торпедо» вундеркинде по фамилии не то Стрелков, не то Стрельников.

Неизвестно, каким образом эти слухи дошли до Тбилиси, но поглазеть на чудо-парня в дождливый апрельский день явились многие. Матч начинался в 17.30 по местному времени, но уже на тренировке москвичей народу на трибунах было немало. Стрельцов публике сразу понравился: высокий (182 см), стройный, длинноногий. «Весь такой чистенький, — вспоминает А.Т. Вартанян, — светленький, голубоглазый, кровь с молоком — красавец парень, глаз не отведешь». Просто чудо-богатырь из русской сказки. Очарованная на тренировке публика не разочаровалась и во время игры, ведь Стрельцов забил тогда первый свой мяч в составе «Торпедо». А.Т. Вартанян свидетельствует: «Побежал он за укатившимся к зрителям мячом и оказался в двух-трех шагах от примыкавшей к полю трибуне: так близко никогда больше Стрельцова не увижу. Ему зааплодировали. Эдуард зарделся, смущенно улыбнулся и, словно в благодарность за радушный прием (может, так и было), под невероятно острым углом ухнул в дальний верхний угол. Тут же раздался мощный, слившийся воедино многоголосый залп: так приветствовали только своих...» Стрельцов тоже с благодарностью вспоминал тбилисских болельщиков, утверждая, что именно в Тбилиси публика сразу как-то по-особенному к нему отнеслась да и потом всегда радушно встречала.

15 апреля 1954 г. газета «Советский спорт» описала, как на 28-й минуте игры молодой нападающий Стрель-

цов (№ 7), получив передачу от Гулевского, отквитал один мяч. Между тем Стрельцову в ту пору не исполнилось еще и семнадцати. Но он уже оказался в центре внимания всей страны. Стоит признать, что подобный груз не в состоянии подчас выдержать и более зрелые люди. А тут — подросток с рабочей окраины, да к тому же не имевший ни отца, ни старшего брата, ни более опытного друга. Словом, никакой поддержки. Еще вчера он лакомился жмыхом и донашивал стоптанные ботинки, и вдруг — любимец миллионов, о котором пишут газеты, а публика валом идет посмотреть на юного нападающего «Торпедо» и каждое его удачное движение встречает восторженным гулом. А дальше — больше. 18 апреля московское «Торпедо» играет с горьковским. И снова Стрельцов, открывший счет, в центре внимания публики и прессы. 3 мая в игре с московским «Локомотивом» единственный гол торпедовцев забил именно Стрельцов. Пройдя с мячом по краю, обыграв двух защитников, он ударил по воротам, но сначала вратарь «Локомотива» отразил мяч. Тогда Стрельцов повторным ударом забил гол. В той игре он оставался еще левым крайним нападающим, но, по воспоминаниям Эдуарда Анатольевича, постепенно переходила к нему роль центрфорварда. А летом он уже вполне освоился с этой ролью. «Советский спорт», рассказывая об игре «Торпедо» с тбилисским «Динамо» 25 июля, сообщает о Стрельцове именно как о центральном нападающем. Кстати, примерно к этому же времени относятся и зачатки мифа о Стрельцове. Мифа, объединившего впоследствии вокруг себя настоящую секту. В «Советском спорте» от 17 июня 1954 г. вышла передовица, в кото-

рой некий автор (передовица не подписывалась) посмел критиковать шестнадцатилетнего Стрельцова и руководство команды, плохо, по мнению редакции, работавшее с молодежью. О Стрельцове было сказано, что обладает он хорошими данными, однако техника его игры пока невысока. Что, заметим, неудивительно, учитывая его возраст и недавнее присутствие в команде. Далее говорилось, что у Стрельцова есть все данные для роста и превращения в высококлассного мастера футбола, но для этого необходимо трудиться кропотливо и напряженно. Руководству же команды рекомендовалось сосредоточиться на воспитательной работе, поскольку Стрельцов растет медленно, у него появилось зазнайство, что может помешать его росту. Казалось бы, а что не так в передовой? Разве сегодня в футболе руководствуются какими-то другими идеями и принципами? Разве не нужно спортивным руководителям думать о воспитательной работе, а молодым игрокам — о повышении индивидуального мастерства? Оказывается, Стрельцов, по мнению сегодняшних его поклонников, не мог зазнаться. Написать о нем такое пришло бы в голову только недоброжелателю и завистнику, этаким «Кассандре советского образца» — ведь через несколько лет Стрельцова действительно, среди прочего, не раз обвинят в зазнайстве. Писать же о нем в 1954 г. следовало совсем иначе: указать на прогресс, похвалить за старание, мягко указать, над чем стоит работать. Странный, однако, ход мысли. Да и вообще странная идея — обращать свои советы в прошлое. Мало того, что никто их не услышит и ничего уже не изменится. Так ведь и судить из дня сегодняшнего о том, что было шесть-